

*Пока они рыщут по улицам, тщетно пытаюсь меня найти,
Знаешь ли ты, что я с тобой?*

ПЕРХАТ ТУРСУН. ЭЛЕГИЯ (2006)

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление от переводчика Джошуа Фримана.....	9
Пролог. Допрос.....	19
Глава 1. Звонок из Пекина.....	35
Глава 2. Моя гордыня.....	47
<i>Женская тюрьма</i>	58
Глава 3. Незваные гости.....	59
Глава 4. Продавец книг по имени Эли.....	69
Глава 5. Красная повязка.....	81
<i>Улица Дороги единения</i>	87
Глава 6. Из окна автомобиля.....	89
Глава 7. Ключ.....	103
Глава 8. Подвал полицейского участка.....	113
<i>Таинственное место</i>	123
Глава 9. Паспорта.....	125
Глава 10. Отказ.....	133
Глава 11. Дальние берега.....	143
<i>Потерянный в Париже</i>	153

Глава 12. Белые листы, голубые листы	155
Глава 13. Навстречу урагану	165
Глава 14. За мной придут ночью	173
Глава 15. Последняя дверь	185
<i>Тело</i>	195
Глава 16. Квартира.....	197
Глава 17. Не попрощавшись	205
Глава 18. Билет в один конец	213
<i>Где-то еще</i>	224
Эпилог. Сны изгнанника	225
<i>Что это?</i>	236
Благодарности	237

ВСТУПЛЕНИЕ ОТ ПЕРЕВОДЧИКА ДЖОШУА ФРИМАНА

Если пару лет назад вам случалось вызывать такси в Вашингтоне, возможно, вашим водителем был один из самых выдающихся уйгурских поэтов современности. Тахир Хамут переехал с семьей в США в 2017 г., спасаясь от китайских властей, безжалостно преследовавших его народ. Тахиру удалось не только избежать грозившего ему заключения в лагерях, в которых исчезли более миллиона уйгуров, но и рассказать всему миру о несчастьях, постигших его родину. В своих мемуарах он рассказывает об одном из самых острых гуманитарных кризисов в мире и делится историей выживания своей семьи.

Я был знаком с творчеством Тахира еще до нашей встречи. Впервые я прочитал его стихи вскоре после того, как начал работать переводчиком в Синьцзяне — регионе на западе Китая, где живут уйгуры. Мой близкий друг неоднократно говорил мне, что, если я хочу понять уйгурскую культуру, мне нужно начать с поэзии. Как и многие американцы, я не испытывал особой тяги к поэзии и не последовал его совету. Но вскоре другой мой приятель вручил мне стопку листов со стихами Тахира. Никогда раньше я не был так глубоко взволнован поэзией.

Для уйгуров поэзия — дело не только писателей и интеллектуалов. Стихи вплетены в повседневную жизнь — их цити-

ругуют в разговорах, делятся ими в социальных сетях и обмениваются строками с любимыми. С помощью поэзии уйгуры сообща решают проблемы, будь то вопрос гендерных ролей или противостояние государственным репрессиям. Даже сейчас, когда я проверяю почту по утрам, папка входящих сообщений полна свежих стихов, ждущих моего перевода. Эти стихи отправляют мне уйгурские поэты, которых раскидало по свету.

С поэзией уйгуры связывают влияние и славу. Попросите их назвать 10 выдающихся уйгуров — и среди прочих имен будет несколько поэтов. Попросите уйгурских интеллектуалов перечислить самых известных уйгурских мыслителей и писателей — и, возможно, вы услышите имя Тахира Хамута.

Я познакомился с Тахиром в начале 2008 г., когда начал переводить уйгурскую поэзию. Встреча с ним стала для меня такой же незабываемой, как и его стихи. Худощавый, смуглый, энергичный и статный, Тахир отличался пристальным взглядом и напористой манерой речи, а высказывания его были всегда точны. В наших беседах мы обращались к самым разным темам и переходили от поэзии — к политике, от истории — к религии. Мне вскоре стало ясно, что спектр его интересов весьма широк, а жизненный опыт огромен.

Тахир родился в семье фермеров и провел детство в деревушке на окраине Кашгара — древнего города на юго-западе Синьцзян-Уйгурского автономного района. Ритм и традиционный жизненный уклад уйгурской деревни неиссякаемый источник его поэзии. Он родился во времена «культурной революции», в разгар радикального маоизма, а совершеннолетия достиг к 1980-м гг. — на заре эпохи экономической и культурной либерализации. После эпохи мрачной, политизированной поэзии времен правления Мао Цзэдуна последовал расцвет новых жанров и стилей. Когда Тахир, еще будучи школьником, опубликовал свое

первое стихотворение, литературная среда кипела, бурлила и развивалась.

С отличием окончив школу, Тахир переехал в Пекин и поступил в университет. Выросший в Кашгаре, где все говорили на уйгурском, теперь он оттачивал китайский, штурмуя тома авангардистской китайской поэзии наряду с китайскими переводами Фрейда. Вскоре юноша с головой погрузился в западную литературу — одно время Тахир буквально не расставался с переведенным на китайский сборником стихов Уоллеса Стивенса. Это была эпоха головокружительных литературных открытий и возможностей — Тахир и другие уйгурские студенты часто собирались вместе, чтобы обсудить прочитанное или поделиться тем, что написали сами.

В столице Китая в это время было беспокойно. Новое поколение отказывалось мириться с медленным темпом реформ и все настойчивее требовало демократических свобод и искоренения коррупции. На втором курсе Тахир участвовал в организации голодных забастовок и маршей студентов накануне протестов на площади Тяньаньмэнь в 1989 г. Правительственные танки сокрушили студенческое движение, но не интерес Тахира к политике.

Окончив университет, Тахир какое-то время работал в Пекине, а затем получил должность преподавателя китайского языка в Урумчи — столице Синьцзян-Уйгурского автономного района. Параллельно с основной работой он продолжал писать стихи, в большинстве своем модернистской направленности. В некоторых из них затрагивались некогда табуированные в уйгурской литературе темы. (В одной из широко обсуждавшихся поэм 1994 г. упоминались марихуана, мастурбация и «спившаяся нация».) В авангардистских кругах Тахир быстро заработал репутацию талантливого юного поэта.

В 1996 г., поскольку он был уйгуром в Китае, политика грубо вторглась в его жизнь. Тахир выехал из Урумчи в надежде

продолжить обучение за границей, но его арестовали при попытке покинуть Китай. Под пыткой он дал ложные показания о том, что собирался выдать государственную тайну. Тахир был в заключении почти три года. Условия в тюрьме были тяжелыми. Он похудел до 45 кг.

Освободившись в конце 1998 г., Тахир был вынужден начать жизнь с нуля — и с черной пометкой напротив имени в партийном архиве. Через год он устроился на работу в киноиндустрию и вскоре занялся режиссурой независимого кино. К началу 2000-х гг. Тахир зарекомендовал себя как выдающийся и весьма оригинальный режиссер, известный главным образом благодаря своей новаторской драме «Луна — свидетель» (*The Moon Is a Witness*). Его карьера поэта также набирала обороты; не изменял он и своей давней привычке много читать.

Для человека всего несколько лет назад освободившегося из трудового лагеря это была невероятная глава в жизни. Фоном ухудшались политические условия и межэтнические отношения в Синьцзян-Уйгурском районе. В 2000-х гг. китайское правительство практически уничтожило образовательную систему на уйгурском языке — уйгурские дети обязаны были учиться в школах-интернатах, преподавание в которых велось только на китайском. Дискриминация уйгуров со стороны ханьского большинства становилась повсеместной: работодатели отказывались брать уйгуров на работу, говоря, что в представителях меньшинств не нуждаются. Ссылаясь на проблему безработицы, частично созданную самим государством, власти Китая принуждали уйгуров браться за низкооплачиваемую работу в отдаленных регионах. Там они жили в переполненных общежитиях под строгим надзором, в незнакомой и зачастую враждебной обстановке.

Год за годом недовольство уйгуров росло, не находя выхода, — все медиа тщательно контролировались государством. Наконец в середине 2009 г., после того как на фабрике

игрушек в Восточном Китае рабочие-хань устроили самосуд над своими коллегами-уйгурами из-за неподтвержденных слухов об изнасиловании, Урумчи накрыла волна жестокого противостояния между уйгурами и хань. Количество жертв исчислялось сотнями — автобусы поджигали, витрины магазинов разбивали вдребезги, случайных прохожих на улицах забивали до смерти.

В сентябре, в разгар массовых протестов против секретаря региональной партии, Тахир шел по многолюдной улице, и группа представителей хань окликнула его: «Эй, ты уйгур?» Позже он признался мне, что у себя на родине ему и в голову не приходило скрывать свое происхождение. «Да, уйгур, — отозвался он. — А вам-то что?» На Тахира обрушился град ударов — ему удалось спастись, перепрыгнув через забор и очутившись в укромном месте. И по сей день его глаз порой подергивается. Однако даже избивание его не остановило.

Однажды я спросил Тахира, обязан ли он своей стойкостью годам, проведенным в тюрьме и трудовом лагере. Он ответил, что нет, и признался, что еще до заключения прекрасно понимал: быть представителем уйгурского интеллектуального сообщества в Китае очень рискованно.

Я уверен, что жизненный опыт помог Тахиру предугадать будущие события раньше, чем многим другим его соотечественникам. В один из осенних дней 2016 г. я ужинал с ним и несколькими друзьями. Подобные ужины были нашей традицией уже лет 10, и, как обычно, тосты, шутки и беседы продолжались вплоть до поздней ночи. Пустые бутылки из-под вина выставлялись в ряд, пока мы наслаждались дымящимися кониной и лапшой. В воздухе клубился сигаретный дым — это писатель Перхат Турсун чередовал свои знаменитые анекдоты с крепкими затяжками.

После Тахир предложил подвезти меня домой, и мы с ним в темноте отправились к его машине. Однако вместо того, чтобы двинуться в путь, продолжили беседу, сидя в его

«Бьюике». В городе, где даже у стен есть уши, пустая парковка — идеальное место для доверительной беседы.

Мы обсуждали ухудшающуюся политическую ситуацию в Синьцзян-Уйгурском автономном районе. Указав на новый полицейский участок рядом с парковкой, Тахир рассказал, что за последние месяцы полиция допросила большинство его бывших сокамерников из трудового лагеря. Мы говорили и о его недавних путешествиях за границу, и Тахир с интересом расспрашивал меня о жизни в США. Я почувствовал, что наступил момент, чтобы спросить его о том, о чем я не решался спросить раньше: «Вы думаете о переезде в Америку?»

Глядя мне прямо в глаза, он ответил: «Да».

Мысль об отъезде пугала Тахира и его жену Мархабу. «Не так-то просто начать жизнь с нуля в чужой стране с чужим языком, когда тебе за сорок и у тебя двое детей», — поделился он со мной. Придется расстаться с друзьями и с карьерой. Кроме того, в обозримом будущем обратной дороги не будет: стоит запросить политическое убежище в США, и любая поездка в Китай может обернуться заключением. Однако с учетом мрачных политических перспектив Синьцзяна Тахир и его семья морально готовились к тому, что им придется уехать, если ситуация ухудшится.

Ситуация ухудшилась. Летом, полгода спустя, из Синьцзян-Уйгурского района начали поступать сообщения о массовых арестах и лагерях для интернированных. Даже я, покинувший Синьцзян в конце 2016 г., понимал, насколько ситуация серьезна. Самые близкие друзья из Синьцзяна один за другим начали удалять меня из друзей в WeChat, потому что переписка с лицами за границей могла стать предлогом для ареста.

Тахир долго оставался на связи: время от времени он писал мне, чтобы обсудить мои переводы его стихов, но потом тоже затих. В конце июня 2017 г. он внезапно прислал мне голо-

совое сообщение. «Погода в мае тут очень плохая, — сообщил он. Так уйгуры иносказательно называли политические репрессии. — Я никак не мог связаться с тобой. Сложно это сделать, когда погода постоянно меняется». Мы перекинулись парой сообщений об одной из его поэм.

А дальше тишина. Это были последние сообщения, которые я получил от друзей оттуда.

В последующие месяцы новости становились всё мрачнее. Было ясно, что, как бы мы ни надеялись, это не очередная краткосрочная кампания. Осознавая масштабы кризиса, я постоянно думал обо всех, кого знал. В особенности переживал за Тахира, учитывая его заключение по политическим мотивам в прошлом. Но у меня не было никакой возможности узнать, всё ли с ним в порядке. И всё ли в порядке хоть с кем-нибудь.

Синьцзян-Уйгурский район стал гигантской тюрьмой, окруженной силами безопасности и уникальнейшей в истории биометрической системой наблюдения. Деревни и кварталы быстро пустели — людей забирали в лагеря для интернированных. У уйгуров конфисковали паспорта. Связь с внешним миром была обрублена. Выбраться стало почти невозможно.

Однако даже невозможное оказалось возможным для одного человека. В конце августа общий знакомый из Шанхая сообщил мне, что Тахир готовится уехать в США. Я хранил молчание, опасаясь связываться с ним, прежде чем он покинет Китай. Затем другой общий знакомый передал мне американский номер и сказал, что он принадлежит Тахиру. Я тут же позвонил.

Тахир взял трубку. «Тинчликму?» («Как ты?»). Мы поздоровались как обычно. Я спросил его, где он находится. Услышав, что он с семьей в Вашингтоне, я ощутил невероятное облегчение. После долгих месяцев самых мрачных новостей из Синьцзян-Уйгурского района это казалось чудом.

Вскоре после прибытия в США Тахир задумался о том, чтобы написать о кризисе в Синьцзяне от первого лица. Но ему потребовалось несколько лет, чтобы пустить корни в новой стране, и на это уходили все силы. Он работал таксистом, учил английский, занимался подачей документов на политическое убежище. Лишь в конце 2020 г. обстоятельства позволили Тахиру начать записывать воспоминания.

Стоило ему начать, как на страницы хлынул поток мыслей. Он писал так, что я едва успевал переводить. Каждый раз, когда мы обсуждали черновики, всплывали новые подробности и темы. Летом 2021 г. *The Atlantic* опубликовал отрывок мемуаров Тахира в сокращении. Кризис в Синьцзяне тем временем усугублялся. Тахир продолжал писать.

Мемуары, которые вы прочтете, — это воспоминания человека, пережившего уничтожение своей родины. Работая над книгой, Тахир много и часто общался с другими беженцами и сопоставлял свои мысли с опытом соотечественников и информацией из публичных источников. Все имена, не считая имен членов семьи и некоторых знакомых, были изменены, чтобы оградить этих людей от преследований со стороны государства.

Насколько я знаю, из всей плеяды талантливых уйгурских писателей из Синьцзяна лишь Тахиру удалось сбежать после начала массового интернирования. В его свидетельстве сочетаются поэтическая экспрессия и ясный взгляд на двойственность людской мотивации даже в самых крайних случаях. Система государственного террора в Синьцзяне управляется бесчеловечной бюрократией, но те, кто приводит в действие эту машину и гибнет под ее колесами, — обычные люди, и их многогранность отражена в рассказе Тахира.

Мир в его рассказе — это мир, с которым нам всем необходимо бороться. Война китайских властей с уйгурским меньшинством беспрецедентна, но в этой войне применяются знакомые всем инструменты. Социальные сети, предсказы-

вающие поведение компьютерные алгоритмы, высокотехнологичное оборудование для слежки, в большинстве своем разработанное на Западе — все это используется властями в Синцзяне для доказательства необходимости репрессий. Исламофобский дискурс, который набрал силу в США, стал для китайских властей отличным поводом, позволившим оправдать политику террора. Международные корпорации вовлечены в цепочку поставок, которые провоцируют принудительный труд в Синцзян-Уйгурском районе.

Помимо Тахира в мой круг друзей в Урумчи входило много других людей — некоторые из них, выдающиеся писатели и представители интеллигенции, встретятся вам на страницах этих мемуаров. Их голоса до сих пор эхом отдаются в моей памяти. Широту взглядов и силу духа того окружения можно заметить даже на фоне трагедии, отраженной на этих страницах: здесь и владелец магазина, который старательно переводит труды Бертрана Рассела, несмотря на риск ареста, и писатель, чье искрометное чувство юмора скрашивает чудовищные события.

Будь у них возможность поговорить с нами, все они убедительно свидетельствовали бы о кризисе, который продолжается и поныне. Но такой возможности у них нет: преследование последних лет заглушило их голоса — по крайней мере на некоторое время. Ради них и ради бесчисленного множества таких же, как они, но неизвестных нам соотечественников Тахир делится своей историей с миром.

ПРОЛОГ

Допрос

На дворе был март 2009 г. Пообедав, я засел с книгой в своей библиотеке. Мархаба, моя жена, убирала посуду на кухне.

В дверь постучали. Я открыл. На пороге стояли два парня и девушка — все трое уйгуры. Мархаба выглянула из кухни.

— Тахир Хамут? — уточнил у меня парень, стоявший впереди.

— Да, это я.

— Мы хотели бы поговорить о вашей регистрации домохозяйств. Не могли бы вы проследовать с нами в полицейский участок?

Он говорил спокойно. Двое за его спиной, судя по всему, были помощниками. Все ясно — ко мне наведались полицейские, переодетые в штатское.

В Китае регистрация домохозяйств предполагает сбор основной информации о каждом члене семьи и считается самым важным документом, удостоверяющим личность. Проверка регистрации — распространенный предлог, чтобы провести обыск или кого-то задержать.

— Разумеется, — отозвался я тоже спокойно.

— Не забудьте паспорт, — добавил полицейский.

— Уже взял, — похлопал я по бумажнику в кармане. Мархаба наблюдала за происходящим с тревогой.

— Не волнуйся, всё в порядке, — успокаивал я ее, обуваясь и надевая куртку. — Просто проверят регистрацию.

Пока мы спускались, полицейские шли впереди и позади меня, как конвоиры. На улице было ясно, но холодно.

Они приехали на гражданской машине: это означало, что визит неофициальный. Я устроился на заднем сиденье рядом с полицейским, который со мной говорил, второй сел за руль, девушка — на пассажирское сиденье.

Я пытался понять, за что меня задержали, но в голову не приходило ровным счетом ничего.

Мы выехали с территории жилого комплекса и вскоре оказались на главной трассе. Чтобы доехать до местного участка, нужно было повернуть налево на перекрестке. Мы свернули направо. Парень, говоривший со мной, вытащил из кармана полицейское удостоверение и показал его мне.

— Меня зовут Экбер. Это Миджит. Мы из бюро общественной безопасности Урумчи. Хотели поговорить с вами.

Девушку он не представил.

Обращаясь ко мне, Экбер использовал уважительное местоимение *сиз*. Хороший знак. Если бы они считали меня преступником, то с самого начала использовали бы неформальное сухое *сен*.

Я молчал и изо всех сил старался сохранять самообладание. По моему опыту, чересчур бурная реакция в такие моменты не помогала. Надо было сделать так, чтобы у них сложилось впечатление, будто я понятия не имею, в чем меня подозревают. Страхом, тревожностью и смутением такие люди обычно наслаждались.

— Кем вы работаете? — спросил Экбер.

На вопрос не походило — он просто меня проверял.

— Режиссером, — коротко ответил я.

Он согласно кивнул и продолжал:

— Пишете сценарии?

Услышав это, я задумался: не задержали ли они меня за то, что я пишу?

— Нет, снимаю по чужим.

— И по чьим сценариям вы снимали?

Я упомянул имена трех авторов. Одним из них был мой друг — Перхат Турсун.

— Перхат Турсун? Это он оскорбил пророка Мухаммеда?

Я удивился, услышав подобное от полицейского, но быстро взял себя в руки. Вероятно, он просто прощупывал мои религиозные взгляды. Тем не менее его вопрос меня поколебил.

— Вы читали роман, в котором Перхат Турсун предположительно оскорбил пророка? — раздраженно поинтересовался я.

Но Экбер не собирался отступить.

— Нет, я читал эссе о романе.

— Советую сначала прочитать оригинал, — возразил я. — Вам, как государственным служащим, полагается тщательно все изучать.

В романе Перхата Турсуна «Искусство суицида», увидевшем свет 10 лет назад, поднимались темы, которые в уйгурской литературе традиционно замалчивались: отчуждение, сексуальность, суицид. Он бросил вызов эстетическим условиям и социальным нормам и оказал большое влияние на современную литературу. После того как один из критиков-консерваторов выдвинул ложные обвинения, утверждая, что в романе оскорбляют пророка, Перхат Турсун подвергся травле на фоне ожесточенных общественных дебатов. Его даже угрожали убить.

— Вы тоже писатель? — спросил Экбер.

— Я поэт.

— Какие стихи пишете?

— Вы не поймете.

— А, так вы сочиняете эти мутные абстрактные стишки ни о чем? — усмехнулся он.

Я промолчал. В машине стало тихо. Мы проезжали одну знакомую улицу за другой.

Я до сих пор не знал, за что меня забрали, и все пытался понять, связано ли это с моим предыдущим арестом более чем десятилетней давности. Если да, то у меня будут большие проблемы.

В 1996 г. я планировал уехать учиться в Турцию, но был арестован на китайско-киргизской границе за «попытку вывезти нелегальные и конфиденциальные материалы за пределы страны». В то время любого уйгура могли арестовать по малейшему поводу — настала и моя очередь. Спустя полтора года в тюрьме Урумчи меня приговорили к трем годам трудового перевоспитания. Половину срока я уже отсидел, а вторую мне предстояло провести в трудовом лагере в Кашгаре.

Освободившись, я узнал, что меня уволили с должности преподавателя. В Урумчи я вернулся без денег и без работы. Регистрация — вот все, что у меня осталось.

Трудясь днями и ночами, я смог получить работу режиссера. Однако как режиссер-отщепенец, работающий не на государство, чаще всего снимал низкобюджетные телевизионные сериалы, музыкальные клипы и рекламные ролики. Я едва сводил концы с концами. Иногда работы для меня и вовсе не было.

Примерно в это время Синьцзянская телевизионная станция искала переводчиков ежедневных новостей с китайского на уйгурский. По результатам языкового теста я был первым из 300 кандидатов, но при проверке моего досье выяснилось, что с предыдущей работы меня уволили. В результате мою кандидатуру отклонили.

После этого я долгое время писал стихи. Впрочем, на жизнь этим заработать невозможно. Вот как обстояли дела к 2001 г., когда мы с Мархабой поженились.

Познакомились мы за несколько лет до этого, после моего возвращения из Пекина в Урумчи. Перхат Турсун тогда в нерабочее время трудился в небольшой компании, которая предоставляла сельскохозяйственную информацию уйгурским фермерам, и предложил мне присоединиться. Учебных часов в школе у меня было совсем немного, и я согласился. Именно в той компании мы и познакомились с Мархабой, которая пришла туда совсем недавно. Я часто ловил на себе взгляд этой умной девушки — она словно присматривалась ко мне.

Мархаба была на пять лет младше и по обычаям должна была звать меня Тахир-ака. Приставка *ака*, означающая «старший брат», обычно используется уйгурами при обращении к любому мужчине старше по возрасту. К старшим женщинам обращаются *хеде* — «старшая сестра». Но Мархаба звала меня просто Тахиром. Было ясно, что она не похожа на других.

В обеденные перерывы мы часто встречались и разговаривали. Постепенно мы сблизились.

За три года в тюрьме я утратил контакт с Мархабой. Вернувшись в Урумчи, я первым делом уточнил у жены Перхата, свободна ли Мархаба. Спустя несколько дней мы с ней решили встретиться напротив Пекинского народного театра.

Когда я пришел, она уже ждала меня. Мархаба улыбнулась мне — у нее была самая милая улыбка на свете. Впрочем, стоило нам поздороваться, как ее лицо омрачилось. Когда три года назад я внезапно пропал, не попрощавшись, она поначалу очень обиделась. Узнав, что меня арестовали, девушка три дня проплакала, не выходя из дома. Даже есть не могла.

В тот морозный зимний день, в сумерках, мы стояли у дороги и разговаривали, пока мимо проносились машины. За годы, проведенные в тюрьме, я стал чувствителен к малейшему дискомфорту, но после слов Мархабы перестал замечать холод.

После той встречи мы виделись постоянно. Теперь, когда три тоскливых года были позади, я ощущал острую необ-

ходимость в семейном тепле. Наши отношения с Мархабой постепенно становились серьезнее. Она была доброй, и сердце у нее было золотое. Мархаба часто приходила ко мне, окружала меня заботой и разделяла со мной печали и тревоги.

Наконец мы решили пожениться. Мои родители в Кашгаре были небогаты, но они помогли нам снять квартиру. Для выкупа я занял у друга 5000 юаней — это очень небольшая сумма для выкупа. «Не переживай, — сказала мне Мархаба. — Если будем трудиться вдвоем, то заработаем на хорошую жизнь». Поженившись, мы вместе скопили и вернули 5000 юаней владельцу.

Вскоре после свадьбы нам понадобилось зарегистрироваться в новом районе, где мы теперь жили. Я сходил в полицейский участок, подал заявку, забрал документы и принес их в участок в нашем районе. Отвечавшая за регистрацию полицейская-хань просмотрела мои документы. Ее резкая реакция застала меня врасплох.

— Номер вашего удостоверения личности не совпадает с номером удостоверения личности в регистрационном архиве.

— Как такое может быть?

— Оригинальный номер — пекинский, начинается с 11, — коротко ответила она. — А этот из Урумчи. Начинается с 65. Это неправильно. Каждому человеку присвоен уникальный номер. В вашем случае действующим считается только пекинский.

Я даже слов подобрать не мог.

— И что мне теперь делать? — вымолвил я наконец.

— Идти в участок, который выдал вам регистрацию. Исправьте номер и возвращайтесь. Иначе я не смогу вас здесь зарегистрировать.

Уезжая на учебу в Пекин, я взял с собой регистрационное удостоверение, как того требовали правила. Вскоре после этого в Китае появились первые удостоверения личности, и я получил свою карту. Поскольку зарегистрирован я был

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru